

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РОССИИ: ИСТОРИЯ, ОРГАНИЗАЦИЯ, ИСТОЧНИКИ, ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

Анатолий ВИШНЕВСКИЙ

1. История демографических исследований.

История демографических исследований в России складывается из нескольких легко различимых этапов.

XIX век - предыстория современных демографических исследований. Развитие демографических исследований в России в XIX в. было связано в основном с изучением проблем смертности, интерес к другим сторонам демографической реальности не шел дальше поверхностных описаний с помощью самых общих статистических показателей. Впрочем других тогда и не было. Что же касается смертности, то здесь уже было ясно, что общими показателями ограничиться нельзя, шли оживленные споры об истинном уровне смертности в России и предпринимались многократные попытки разрешить этот спор с помощью таблиц смертности. Такие таблицы строились на протяжении всего столетия (К.Ф. Герман, Н.Е. Зернов, В.Я. Буняковский, К.А. Андреев, В.И. Борткевич, Л.Бессер и К. Баллод), авторы пытались усовершенствовать методы построения таблиц и преодолеть таким образом недостаток и несовершенство исходной информации. Одним из главных препятствий для построения корректных таблиц смертности было отсутствие информации о возрастном составе населения.

Предреволюционный период (1897-1917): начало современных исследований. Такая информация была получена только после проведения первой Всеобщей переписи населения 1897 г., которую можно считать начальным рубежом нового этапа демографических исследований в России. Дело не только в том, что перепись дала новую, не существовавшую прежде информацию, но и в том, что в это время в обществе усилились критические настроения, интерес к социальным вопросам и оно начинало осознавать свою демографическую отсталость. В 1916 г. была опубликована первая научная таблица смертности населения Европейской России, составленная С.А. Новосельским и удостоенная премии Российской Академии наук. Сам факт присуждения премии символизировал признание академической средой демографии как полноправной отрасли научного знания, которая к тому времени заявила о себе уже многими исследованиями - и не только посвященными смертности. К этому периоду относятся и расширение анализа "естественного движения" населения в целом (в работах того же Новосельского, П.И. Куркина и др.), и изучение более специальных вопросов (напр., исследование соотношения полов при рождении А.А. Чупровым), и анализ методологических проблем М.В. Птухой, и попытки выработки

общей философии взгляда на население Д.И. Менделеевым и пр. Можно сказать, что к 1917 г. почва для быстрого подъема демографической науки в России была подготовлена.

20-е годы: период подъема. Традиции дореволюционной демографии были восприняты и развиты в первый послереволюционный период, для которого вообще было характерно обостренное внимание исследователей к социальным проблемам. В частности, после 20-летнего перерыва в конце 1926 г. была проведена новая всеобщая перепись населения. Наряду с этим, с целью углубленного изучения отдельных вопросов начали проводить специальные выборочные ("анамнестические") обследования. Были созданы два исследовательских демографических института - в Киеве (1919) и в Ленинграде (1930), демографические исследования велись и в других научных центрах, например, социал-гигиенических. Появилось много новых заметных имен. Рядом с демографами, приобретшими известность еще до революции (В. Михайловский, П. Куркин, С. Новосельский), работали более молодые М. Птуха, В. Паевский, Ю. Корчак-Чепурковский, С. Томилин, А. Хоменко и др. Ведущие специалисты были хорошо знакомы с достижениями мировой демографической науки, очень быстро стали использовать введенные Р. Кучинским представления об итоговой рождаемости, нетто- и брутто-коэффициенте воспроизводства населения, собственном коэффициенте естественного прироста А. Лотки. Какое-то время демографические исследования в СССР находились на подъеме.

30-е годы: разгром демографии. Это, однако, продолжалось недолго. Уже в начале 30-х годов всюду шло засекречивание демографической информации, постепенно переходившее в ее фальсификацию. В частности, была объявлена "вредительской" перепись населения 1937 г., и в 1939 г. была проведена новая перепись, результаты которой больше устраивали руководство страны. Свертывание демографических исследований привело к ликвидации обоих демографических институтов - ленинградского в 1934 г., киевского - в 1939. Почти исчезли публикации на демографические темы. Репрессии обрушились на самих демографов.

Еще в 1934 г., сразу после принятия решения о закрытии ленинградского демографического института в возрасте 41 года от сердечного приступа скончался его научный лидер В. Паевский. В 1937 г. наступило время массовых и очень жестоких репрессий. За короткое время были арестованы и расстреляны три сменявших друг друга руководителя государственной статистической службы - В. Осинский (кстати, автор известного исследования о международных миграциях), И. Краваль, И. Верменичев. Расстрел оборвал жизнь руководителя переписей населения 1926 и 1937 гг. О. Квиткина, украинского демографа А. Хоменко. В лагере погиб другой руководитель переписи 1937 г. Л. Брангендлер. Через арест, тюрьмы и лагеря прошли М. Птуха, Ю. Корчак-Чепурковский, Б. Смулевич, М. Трацевский, А. Мерков, М. Курман... Полного списка репрессированных демографов не существует до сих пор.

40-е - 50-е годы: время бесплодия. К 1945 г. советская демография лежала в развалинах, но ее продолжали добивать. Попытки нескольких уцелевших демографов хоть как-то сохранить научные традиции в исследованиях и подготовке специалистов пресекались в корне. В 1945 г. суровой идеологической критике подвергся учебник демографической статистики А. Боярского, посвященный в основном методам количественного анализа в демографии¹. В 1951 г. вышло его переработанное издание, в предисловии к которому говорилось, что теперь внимание в учебнике сосредоточено на воспитании молодежи "в духе советского патриотизма, ненависти к реакционной буржуазной лженауке и буржуазным порядкам". Что же касается "изложения самих математических приемов, используемых в демографической статистике", то оно "в настоящем учебнике значительно сокращено и упрощено по сравнению с тем, что было дано в учебнике, изданном в 1945 г."²

Еще один пример - судьба другого известного демографа Б.Ц. Урланиса, в конце 40-х годов преподававшего статистику в Московском университете. В марте 1949 г., во время кампании по борьбе с "космополитизмом", в газете "Московский университет" появилась статья, в которой утверждалось, что "на экономическом факультете долгое время подвизался оголтелый космополит, апологет и проповедник англо-американского империализма профессор Урланис"³. Через месяц он был уволен из университета "за низкое идейно-политическое содержание лекций, выразившееся в восхвалении буржуазного статистического учета и принижении деятельности советской статистической науки". В приказе об увольнении отмечалось, что "профессор Урланис аполитичен и совершенно не владеет марксистской методологией".

В то время, как на Западе демографические исследования набирали силу, неизменно демонстрируя свою теоретическую и практическую ценность, привлекая все большее внимание академических кругов, общественного мнения и политических деятелей, в СССР демография практически перестала существовать. Первые пятнадцать из пятидесяти послевоенных лет для советской демографии прошли впустую, не оставили после себя ни сколько-нибудь значительных исследований, ни новых имен. Отдельные редкие исключения, немногие публикации, которые делают честь их авторам⁴, а тем более схоластические упражнения на тему "социалистического закона народонаселения", не заслуживающие даже упоминания, не способны изменить этого общего итога.

60-е - середина 80-х годов: медленное воскрешение. Перемены начались только с конца 50-х годов. В 1959 г., после 20-летнего перерыва, была проведена Всесоюзная перепись населения,

¹ Боярский А.Я. Курс демографической статистики. М., 1945.

² Боярский А.Я., Шушерин П.П. Демографическая статистика. М., 1951, с. 3-4. Появление второго автора, П. Шушерина, было, по-видимому, дипломатическим ходом, реальным или, во всяком случае, основным автором оставался А. Боярский.

³ "Московский университет", 14 марта 1949 г., № 15-16.

⁴ Таковы, напр., книги А.Г. Рашина "Население России за 100 лет" (М., 1956) и Б.Ц. Урланиса "Войны и народонаселение Европы" (М., 1960).

само ее проведение, публикация ее результатов способствовали росту общественного интереса к демографическим вопросам, тем более, что они пришлись на период, когда в советском обществе стала пробуждаться способность критически смотреть на свое собственное развитие и хотя бы робко обсуждать свои реальные проблемы.

60-е годы принесли большие перемены. Начиная с этого времени все в более широких масштабах велись исследования, публиковались книги, собирались многолюдные научные конференции, налаживалось демографическое образование. На фоне абсолютного паралича демографической науки в 30-е - 50-е годы это было заметным продвижением. Но на фоне того, что происходило в это время в мировой демографической науке, это был бег с гириями на ногах, движение было крайне противоречивым. В итоге перемены, в которых нуждалась советская демография, так и не были доведены до конца, ибо натолкнулись на целый ряд непреодолимых препятствий.

Информационный голод. Одним из них на протяжении всего послевоенного периода была бедность или недоступность статистической информации о демографических процессах. Ее основным поставщиком была система государственной статистики, которая очень медленно приспособлялась к требованиям современного демографического анализа, часто не располагала даже элементарными данными. Но еще хуже было то, что даже те данные, которыми статистические органы располагали, были полностью или частично недоступны исследователям, почти не публиковались. В этом смысле интересна история публикаций результатов переписей населения. Опубликованные материалы переписи 1926 г. заняли более 50 томов. После переписи населения 1959 г. было опубликовано 17 томов, после переписи 1970 г. - 7, после переписи 1979 г. - 1 том (только 10 лет спустя, в 1989-1990 гг., уже в новых исторических условиях малым тиражом было издано 10 томов материалов этой переписи). Не лучше обстояло дело и с публикациями текущих статистических данных. Долгое время была закрыта для публикации практически вся информация, касающаяся смертности, а, скажем, данные о смертности по причинам смерти всегда имели статус секретных, исследователи впервые получили возможность работать с ними только в конце 80-х годов. В 1975 г. впервые вышел не слишком богатый информацией демографический ежегодник⁵, следующий⁶ появился только через 13 лет, уже в горбачевскую эру.

Информационная цензура распространялась не только на данные, которыми располагали органы статистики, под нее подпадала также и продукция исследователей. Например, существовал запрет на публикацию любых демографических прогнозов, при издании книги Б. Урланиса "Проблемы динамики населения СССР" (1974) из нее был изъят большой кусок, содержащий составленный автором прогноз для СССР.

Оторванность от мирового научного сообщества. Советские демографы, как правило, не имели возможности регулярно читать западные журналы (многих из них не было даже в крупнейших

⁵ Население СССР 1973. Статистический сборник. М., 1975.

⁶ Население СССР 1987. Статистический сборник. М., 1988.

московских библиотеках), следить за литературой, не говоря уже о прямых контактах с зарубежными коллегами, участии в международных научных конференциях или членстве в международных научных союзах. До второй половины 80-х годов все это было привилегией очень узкой группы "проверенных" людей, не всегда самых компетентных в профессиональной области.

Демографы прилагали немало усилий для выхода из изоляции, в частности, с помощью публикаций на русском языке работ зарубежных авторов. С 1968 по 1983 г. под руководством А.Г. Волкова издавалась серия книг "Новое в зарубежной демографии", в ней вышло 17 сборников статей западных и восточноевропейских демографов. В 1977-1982 гг. вышло три сборника переводных статей под общим названием "Проблемы народонаселения". Были изданы на русском языке и отдельные монографии, например, "Общая теория населения" А. Сиви и "Демографический анализ"⁷ Р. Пресса. В какой-то мере новые научные идеи проникали в СССР, благодаря посредничеству восточноевропейских коллег, которые имели больше связей с Западом и сотрудничество с которыми (правда, тоже очень дозированное) было доступно некоторым советским ученым. Но все это не могло заменить нормальных каналов общения и нейтрализовать тормозящее влияние международной изоляции.

Идеологический контроль. Долгое время развитие любых социальных исследований, в том числе, разумеется, и демографических, тормозили сложившиеся в сталинские времена идеологические табу. Даже само стремление демографии конституироваться в качестве самостоятельной научной дисциплины встретило мощное противодействие на том основании, что идея демографии как самостоятельной науки "заимствована у буржуазных ученых"⁸, и "лишь сеет иллюзии о ее возможностях и отвлекает внимание от изучения вопросов населения учеными тех наук, в задачу которых это входит"⁹. Идеологические обвинения пускались в ход всякий раз, когда возникало подозрение в малейшем свободомыслии. Профессионализм исследователя или университетского профессора был гораздо менее важным качеством, чем его идеологическая благонадежность, обстоятельства подталкивали к конформизму, а это отнюдь не облегчало развитие научной мысли.

Обычным элементом академических дискуссий были ссылки на "классиков марксизма" и упреки в немарксизме. Работы "классиков" толковались догматически, как Писание, но на деле марксизм никогда не был единой методологической базой демографических исследований в СССР, как это постоянно утверждалось. Их реальная методологическая база была крайне эклектичной. Это не имело большого значения, когда речь шла о преимущественно количественном анализе. Но когда дело доходило до истолкования и объяснения демографических изменений и

⁷ В русском переводе: "Народонаселение и его изучение".

⁸ Подъячих П.Г. О предстоящей Всесоюзной переписи населения и некоторых вопросах изучения проблем народонаселения. - В кн.: Вопросы демографии. Киев, 1968, с. 28.

⁹ Подъячих П.Г. Статистика населения, наука о народонаселении и наука демография. (О новых попытках ликвидации статистики как общественной науки). М., ЦСУ СССР, 1969, с. 24.

их последствий, искаженный и догматизированный марксизм причудливо перемешивался с обрывками случайно занесенных современных западных идей, что порождало странную наукообразную смесь, позволявшую видеть реальную жизнь словно в плохо наведенный бинокль.

2. Современный период

Современный период демографических исследований в России берет свое начало в середине 80-х годов. Этот период уже сейчас можно характеризовать такими важными достижениями, как резкое расширение информационной базы, выход из международной изоляции, освобождение от идеологического контроля и оздоровление интеллектуального климата. Однако остается и непреодоленное наследие прошлого: слабый интерес государства и общества к демографическим проблемам; скудность материальных и институциональных возможностей демографических исследований, инерция старого мышления.

Организация исследований. Попытка возродить в конце 80-х годов закрытый в 30-е годы демографический институт потерпела фиаско. Она закончилась созданием Института *социально-экономических* проблем народонаселения, по существу, еще одного из многих экономических институтов. Собственно же демографические исследования ведутся в нескольких центрах, самые крупные из них насчитывают 20-30 сотрудников. Такие центры имеются в Российской Академии наук, в Госкомстате России и в МГУ, почти все они сосредоточены в Москве. Небольшие группы демографов имеются также в Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Новосибирске. Работа исследовательских центров плохо скоординирована, не специализирована, большинство из них работает над одними и теми же проблемами, тогда как другие, не менее важные проблемы не находят своих исследователей. Для России характерно раздельное существование исследовательских центров и центров образования.

Финансирование демографических исследований в России никогда не было хорошим, поэтому в 90-е годы демографическая наука не пережила того шока, который испытали многие секторы российской науки, некогда щедро финансировавшиеся государством. Стать более нищим, чем была советская демография, невозможно. Сейчас демографические исследования финансируются за счет бюджетов институтов, в которых они ведутся, а также за счет заказов некоторых центральных ведомств, среди которых главное место занимает Министерство труда и социального развития. Кроме того, источником финансирования служат также Российский фонд фундаментальных исследований и Российский фонд гуманитарных исследований. Учитывая очень скромные возможности всех этих источников финансирования, трудно переоценить поддержку, которая уже несколько лет оказывается российским демографам в рамках различных программ международного сотрудничества - двухстороннего или многостороннего, в частности, такими программами, как INTAS или TEMPUS, Французским

национальным институтом демографических исследований, Университетом в Гронингене (Нидерланды) и др.

Диалог с администрацией. В последнее время несколько расширилось сотрудничество демографов-исследователей с органами государственной власти - исполнительной и законодательной. Основной правительственный орган, на который возложена координация всей деятельности, связанной с оценкой демографической ситуации в стране и проведением демографической политики. - Министерство труда и социального развития. Те же задачи в какой-то мере выполняет и Комиссия по делам женщин, семьи и демографии при Президенте Российской Федерации. Кроме того, имеются соответствующие комитеты в обеих палатах Федерального собрания. Демографы представляют во все эти органы результаты своих исследований, приглашаются ими в качестве экспертов, принимают участие в парламентских слушаниях. Однако действительное влияние демографов на принимаемые решения невелико. Сотрудничество же демографов с местными администрациями почти полностью отсутствует.

Источники информации. Основной источник демографической информации в России - данные текущей государственной статистики и периодических переписей населения. Получение первичной информации с помощью опросов, проводимых независимыми исследователями, пока развито слабо и имеет второстепенное значение. После кризисных для демографической статистики 30-х - 50-х годов, работа по сбору данных постепенно совершенствовалась. Но диалог между исследователями и государственной статистикой всегда был затруднен, ибо она считала себя ответственной только перед начальством, а не перед обществом. Сейчас положение изменилось, исследователи получили доступ практически ко всем имеющимся в распоряжении статистики данным, но качество их не всегда удовлетворительное, а расширение собираемой информации наталкивается на ограниченность финансирования статистических органов.

Демографические публикации. Важное достижение последнего времени - регулярные публикации демографических данных в различных изданиях Госкомстата России, важнейшее из которых Демографический ежегодник РФ. Но положение с научными публикациями плохое. Один из его главных недостатков - отсутствие профессионального журнала, а значит и общей трибуны для обсуждения результатов исследований, равно как и школы для авторов будущих книг. Статьи в научном журнале - нормальные этапы подготовки будущих научных монографий, если нет статей, плохо идет и работа над книгами. Российский рынок демографической литературы крайне беден - и не потому, что трудно найти финансирование для издания этой литературы, хотя эта трудность, конечно, тоже существует. Главная проблема в том, что нет корпуса авторов, способных насытить этот рынок своими книгами. Это относится как к научно, так и учебной

литературе. Характеристика немногочисленных издающихся учебных пособий полностью исчерпывается словом "скука". Демография оказывается в порочном кругу: слабый общественный интерес к демографическим исследованиям ограничивает ее финансовые и интеллектуальные возможности, а ее почти полное безмолвие никак не способствует пробуждению общественного интереса.

3. Главные направления исследований

Дискуссия о предмете демографии. Возобновление исследований после длительного перерыва, разрыв научной традиции и в то же время изменения самих демографических реалий, поиски институциональных форм развития демографии - все это требовало ее "самоопределения", делало почти неизбежными споры о ее предмете. В 60-е годы такие споры вылились в дискуссию, в которой столкнулись самые разные точки зрения. Наряду со сторонниками самого узкого понимания демографии как демографической статистики были и сторонники непомерного расширения ее предмета, создания "комплексной науки о народонаселении", "системы знаний о народонаселении", охватывающих едва ли не все области жизнедеятельности людей. С течением времени споры о предмете демографии приобретали все более схоластическое звучание. Но параллельно с ними разворачивались конкретные исследования, которые способствовали определению центра интересов демографической науки гораздо больше, чем самые изощренные теоретические доводы. Таким центром стали проблемы воспроизводства населения.

Термин "воспроизводство населения" вошел в русскоязычную литературу в период между войнами под влиянием работ Кучинского, но сейчас используется в ней чаще, чем в англосаксонской или французской, и имеет несколько иную смысловую нагрузку. Он покрывает то, что в англоязычной литературе называется *population growth and replacement*, и даже выходит за рамки этих понятий. Сюжеты, относящиеся к воспроизводству населения, понимаемому как "его возобновление вследствие естественной смены поколений"¹⁰, и находившиеся в центре внимания исследователей на протяжении трех последних десятилетий, включали в себя все, что было связано с рождаемостью и смертностью, их непосредственной детерминацией (в этом контексте большое внимание уделялось процессам формирования семьи и брачно-семейной структуры населения), а также их последствиям - динамике численности и возрастного состава.

В 60-е - 70-е годы в СССР некоторые демографы настаивали на расширительном толковании "воспроизводства населения", включая в него миграцию и даже воспроизводство социальной структуры. Но на практике изменения социальной структуры, конечно, не были предметом непосредственного изучения демографов. В то же время изучение миграции, хотя и не относящейся к "воспроизводству населения" в узком смысле, демографы явно признавали областью своих интересов.

¹⁰ Основы теории народонаселения. М., 1973, с. 43-44.

Методы анализа. Одной из первых задач возрождавшейся советской демографии было “восстановление формы” в смысле владения классическими методами демографического анализа. Довоенная демография находилась в этом смысле на довольно высоком уровне, но в 60-е годы многое пришлось восстанавливать заново. Это относится, в частности, к составлению демографических таблиц. Помимо построенных после долгого перерыва таблиц смертности, были составлены также (на основе данных выборочных обследований) таблицы брачности, общей и брачной рождаемости женщин СССР¹¹. В ряде работ рассматривались методологические вопросы построения демографических таблиц и их использования для анализа и прогноза¹². Таблицы смертности, рождаемости, брачности, разводимости довольно быстро стали важным, хотя и не очень распространенным инструментом анализа.

Одновременно происходило обогащение традиционных методов наблюдения и описания демографических процессов. Стали широко использоваться выборочные демографические опросы. Их целью было получение более подробной объективной информации о семейной и прокреативной биографии женщин, их распределении по числу рожденных детей, возрасту, брачному состоянию, социальному положению и пр., а также выявление прокреативных намерений женщин и объясняющих их факторов. Методология этих опросов опиралась частично на традиции советских так называемых анамнестических обследований 20-х годов, но в еще большей мере формировалась под влиянием более новых западных исследований, в частности, американских опросов 1955 и 1960 гг. GAF I и GAF II (Growth of American Family). Самой значительной была серия обследований, проведенных ЦСУ СССР в 1960-1985 гг. (в 1960 г. было опрошено 43,7 тыс. женщин, в 1967 - 236, в 1972 - 347,3, в 1975 - 361,6, в 1978 - 330,7, в 1981 - 335,4 тыс. В 1985 г. соответствующие вопросы задавались в ходе микропереписи, охватившей 5% населения страны). Опросы охватывали все республики СССР, разработка их программа и анализ результатов выполнялись Отделом демографии Научно-исследовательского института ЦСУ СССР, возглавляемого А. Волковым, главным идеологом всей работы был Л. Дарский. Наряду с этими большими и регулярными опросами, исследователями из разных городов проводились и более мелкие, локальные.

Крупные выборочные опросы дали исследователям информацию, которая, в свою очередь, позволила расширить арсенал применяющихся в анализе показателей. Стало возможно оперировать такими величинами, как число детей, рожденных одной женщиной или в одной семье, вероятность увеличения семьи в зависимости от уже имеющегося числа детей, величина протогенетического и

¹¹ Дарский Л.Е. Формирование семьи. М., 1972.

¹² Корчак-Чепурковский Ю.А. Перспективные исчисления населения с применением комбинированной таблицы доживаемости и повозрастной интенсивности миграции. - В кн.: Проблемы демографической статистики. М., 1966; Корчак-Чепурковский Ю.А. Влияние смертности в разных возрастах на увеличение средней продолжительности жизни. - В кн.: Изучение воспроизводства населения”. М., 1968.

интергенетического интервалов. Существенным методологическим нововведением было применение когортного анализа¹³. Однако серьезный поворот к когортным исследованиям происходит только в самые последние годы.

Стремление к более глубокому пониманию внутренних формально-математических зависимостей воспроизводства населения, а также его взаимодействия с другими социальными процессами привело к некоторому развитию математического моделирования демографических процессов¹⁴.

Изучение рождаемости. Снижение рождаемости в СССР в 60-е годы резко обострило интерес к анализу рождаемости и ее социальных детерминант, который сразу же натолкнулся на недостаток информации. Стремление преодолеть эту трудность и привело к тому, что в 60-е годы началось активное проведение выборочных опросов. Они дали много новой информации, в частности, позволили восстановить прокреативную историю женских когорт, начиная с поколений 1890-1894 гг. рождения, чего нельзя было сделать на основе данных официальной статистики. Это новаторское для своего времени исследование было выполнено представителем старшего поколения демографов Р.И. Сифман¹⁵, которая впервые убедительно показала, что снижение рождаемости в СССР в 60-е годы было не так уж неожиданно. Оно началось давно, но долгое время маскировалось резкими колебаниями поперечных показателей. Когортные же показатели уменьшались постепенно от поколения к поколению, по крайней мере, у всех когорт начиная с конца прошлого века¹⁶. Впоследствии когортный анализ рождаемости неоднократно выполнялся уже на основе данных статистического учета.

Выборочные опросы 60-х - 80-х годов дали большой материал для анализа социальной, этнической, региональной дифференциации рождаемости и подготовили пересмотр широко распространенных в то время в СССР теоретических представлений. Согласно этим представлениям, существовала "прямая связь" между рождаемостью и

---

¹³ Стешенко В.С. Опыт применения метода когорт для изучения рождаемости на Украине в послевоенный период. - В кн.: Проблемы демографической статистики. М., 1966; Сифман Р.И. Динамика плодовитости когорт женщин в СССР. - В кн.: Вопросы демографии. М., 1970.

¹⁴ См., напр.: Модели демографических связей. М., 1972; Боярский А.Я. Население и методы его изучения. М., 1975; Баркалов Н.Б. Моделирование демографического перехода. М., 1984.

¹⁵
¹⁶ См.: Сифман Р.И. Динамика рождаемости в СССР. М., 1974, с. 40-52. Р. Сифман была уже на пенсии, когда, в 1964 г., была приглашена А. Боярским и А. Волковым на работу в Отдел демографии только что созданного НИИ ЦСУ СССР, где она проработала еще почти 14 лет. Недавно в Государственном архиве был обнаружен документ, направленный Председателем Комиссии партийного контроля Ежовым Сталину в июне 1935 г. Речь идет о проверке работы сектора населения ЦУНХУ. В ней, в частности, говорится, что, по данным НКВД, "беспартийная Сифман", которая продолжительное время руководила группой естественного движения населения, "ведет антисоветскую агитацию, заявляя, что в СССР ухудшается положение трудящихся, с каждым годом увеличивается смертность и уменьшается рождаемость". (РГАЭ, ф. 1562, о. 329, в. 107).

уровнем благосостояния. "Высокая рождаемость в СССР является следствием непрерывного роста благосостояния трудящихся", - говорилось в Большой Советской Энциклопедии¹⁷.

Уже первые эмпирические исследования 60-х годов¹⁸ показали несостоятельность представлений о "прямой связи" и заставили вспомнить исследование известного экономиста Струмилина, указавшего на существование "обратной связи" еще в 30-е годы (правда, впервые его работа¹⁹ была опубликована в 1956 г.). Авторы последующих работ постепенно отошли от упрощенных представлений о непосредственной связи между благосостоянием и рождаемостью и обратились к анализу более широкой системы социально-экономических и социально-культурных связей. Изучение территориальных и социальных различий рождаемости позволило лучше понять такие многообразные ее факторы, как этнокультурные особенности, уровень образования, величина доходов, жилищные условия, физиологическая стерильность и пр.²⁰

Следующим этапом стало осмысление сложного взаимодействия всех этих факторов в рамках единого концептуального подхода. В начале 70-х годов появляются первые работы, использующие уже хорошо известную к тому времени на Западе концепцию демографического перехода²¹. 70-е годы ознаменовались ростом интереса к теории прокреативного поведения. Развернувшаяся в связи с этим дискуссия способствовала развитию двух различных подходов к объяснению снижения рождаемости в процессе демографического перехода.

При одном из этих подходов прокреативное поведение рассматривается не как самостоятельное и суверенное, а как производное и подчиненное другим видам поведения, например, экономическому. Соответственно падение рождаемости в наше время объясняется снижением **полезности** детей для индивида или семьи. Сторонники этого подхода нередко ссылались на Дж. Колдуэлла, в частности, на его идею об изменении направления межпоколенных потоков благ, на некоторых других западных авторов и вслед за ними настаивали на том, что, поскольку в современных условиях дети стали экономически, психологически или социально невыгодны, сокращается **индивидуальная потребность в детях**, что и приводит к необратимому

---

¹⁷ Большая Советская Энциклопедия. Изд. второе, т. 36, М., 1955, с. 616.

¹⁸ Таубер Н.А. Влияние некоторых условий жизни на уровень брачной плодовитости. - В кн.: Проблемы демографической статистики, М., 1966; Давтян Л.М. О зависимости между благосостоянием и рождаемостью. Там же.

¹⁹ Струмилин С.Г. К проблеме рождаемости в рабочей среде. Избранные произведения в пяти томах, т. 3. М., 1964.

²⁰ См., напр.: Козлов В.И. Динамика численности народов. М., 1969, гл. 2; Бондарская Г.А. Роль этнического фактора в формировании территориальных различий рождаемости. - В кн.: Вопросы демографии, М., 1970; Шлиндман Ш., Звидриньш П. Изучение рождаемости. М., 1973; Белова В.А. Число детей в семье, гл. 4. М., 1975.

²¹ Кваша А.Я. Этапы демографического развития СССР. В кн.: Факторы рождаемости. М., 1971. Вишневецкий А.Г. Демографическая революция. "Вопросы философии", 1973, 2.

снижению рождаемости. Различные варианты этого подхода развивались А. Антоновым, В. Борисовым, Л. Дарским и др.²²

С точки зрения другого подхода, прокреативное поведение имеет свою собственную систему социальной детерминации, относительно независимую от систем детерминации экономического или каких-либо других видов поведения. Мотивационная основа поведения связывается не с конкретной полезностью его результата для отдельного человека или семьи, а с системой **ценностей**, которые формируются на социетальном уровне и отражают интересы социального целого, а не его отдельных элементов. Оспаривается сам факт существования массовой многодетности в прошлом, якобы бывшей ответом на высокую "потребность в детях" (ибо высокая смертность сводила на нет результаты высокой рождаемости, так что конечное число детей мало отличалось от сегодняшнего), а также целерациональный характер традиционного демографического поведения, не знавшего свободы индивидуального выбора. Современная низкая рождаемость объясняется не тем, что сократилась "потребность в детях" и понизилась их ценность, а тем, что появилась свобода выбора и увеличилась ответственность родителей при принятии прокреативных решений²³.

Дискуссия не привела, разумеется, к "победе" одного из подходов, но, как мне кажется, очертила некое "проблемное поле", способное привлекать внимание исследователей и по сей день.

Изучение демографических проблем семьи. Исследование рождаемости, механизмов ее детерминации, возможностей воздействовать на нее мерами политики обусловило интерес демографов к изучению семьи. Они неизбежно вторгались в смежные отрасли знания, например, в социологию семьи, но всегда существовало стремление более четко очертить области, принадлежащие демографии. Это отразилось, в частности, в структуре и даже в названии обобщающей монографии А.Г. Волкова²⁴. Главные области интереса демографов: формирование и демографическое развитие семьи (заключение и прекращение браков, рождение детей, их последующее обособление и т.п.), изменения семейной структуры населения, демографическая составляющая семейной политики.

Первым заметным исследованием в этих областях в послевоенные годы была работа Л. Дарского, построившего таблицы брачности женщин СССР по данным выборочного опроса 1960 г.²⁵. В дальнейшем усилия исследователей были направлены на выявление эволюционных изменений в брачности в СССР в XX в., а также пертурбационного воздействия на нее Второй мировой войны. Было

²² См., напр.: Борисов В. А. Перспективы рождаемости. М., 1976; Дарский Л.Е. Рождаемость и репродуктивная функция семьи. - В кн.: Демографическое развитие семьи. М., 1979; Антонов А.И. Социология рождаемости. М., 1980.

²³ См., напр.: Вишневский А.Г. О мотивационной основе рождаемости. - В кн.: Демографическое развитие семьи. М., 1979; Он же. Два исторических типа демографического поведения. Социологические исследования, 1987, 6. М., 1969.

²⁴ Волков А.Г. Семья - объект демографии. М., 1986.

²⁵ См.: Дарский Л.Е. Формирование семьи. М., 1972.

показано, что, в отличие от рождаемости, брачность на протяжении столетия менялась мало, по мере ослабления последствий войны происходил возврат к ее довоенной модели с характерным для нее относительно ранним вступлением в первый брак и низким уровнем окончательного безбрачия. Таблицы брачности, построенные уже в 80-е годы, не давали оснований предполагать, что в СССР имеет место статистически значимая тенденция к отказу от брака и предпочтению ему одиночества или каких-либо иных альтернативных форм половых союзов, как это имеет место в некоторых странах Запада²⁶. Все же какие-то альтернативные формы, видимо, развивались, но официальная статистика не давала необходимых сведений об этом. Попытка учесть незарегистрированные браки в России впервые была предпринята при микропереписи 1994 г., уже после распада СССР.

Процесс формирования брачных пар, особенно при первых браках, привлекал, пожалуй, наибольшее внимание демографов, хотя наряду с этим изучались разводы и повторные браки, а также семейная структура населения, в которой произошли очень большие сдвиги, связанные с нуклеаризацией семьи, изменением ее жизненного цикла, снижением рождаемости и пр..

Семья интересовала демографов также как главный объект демографической политики. Вначале почти всеобщим было убеждение, что с помощью такой политики можно сдержать падение рождаемости или даже повысить ее уровень. Существовала довольно большая литература по этому вопросу, хотя практика демографической политики в СССР, по сравнению со многими другими западно- и восточноевропейскими странами, была весьма скромной. По мере накопления своего и чужого опыта и знаний эта уверенность ослабевала, и место откровенно пронаталистской демографической политики в сознании многих специалистов занимала семейная политика, призванная прежде всего повысить качество жизни семей с детьми и только во вторую очередь, может быть, повысить рождаемость.

В связи с обсуждением проблем рождаемости некоторые демографы пытались возродить "социалистическую" догматику, касающуюся будущего семьи и полагали, что "решение демографических проблем развитого социалистического общества лежит на путях дальнейшего обобществления труда в сфере содержания и воспитания подрастающего поколения"²⁷. У такой логики, восходящей к старым идеям Платона или Кампанеллы и популярной в СССР в 20-е годы, все еще было немало сторонников. Но в демографической среде она не получила большой поддержки. Большинство демографов связывало надежды на повышение рождаемости с ростом семейных ценностей, и эта позиция способствовала ослаблению веры в скорое отмирание семьи и ее замену общественными институтами.

²⁶ Дарский Л.Е., Ильина И.П. Нормализация брачности в СССР. - В кн.: Демографические процессы в СССР. М., 1990, с. 27.

²⁷ Стешенко В.С. Демография в современном мире. М., 1978, с. 206.

Изучение смертности. В отличие от рождаемости смертность долгое время интересовала советских исследователей сравнительно мало. Общество не было информировано об истинном положении вещей и было убеждено, что СССР - страна с очень низкой смертностью, что совершенно не соответствовало действительности. Хотя смертность в СССР в то время снижалась, на рубеже 50-х и 60-х годов он занимал 22 место по ожидаемой продолжительности жизни среди 35 стран с самой низкой смертностью, однако возможно, что его истинное место было даже более низким, так как официальные оценки ожидаемой продолжительности жизни в СССР были, скорее всего, завышенными. В середине 60-х годов снижение смертности прекратилось, а возможно, начался и ее некоторый рост.

Реакция демографов на такое изменение ситуации не была адекватной. Те немногие специалисты, у которых было верное общее представление о происходящем, не имели возможности опубликовать данные, которыми они располагали, и не могли углубить свои знания, потому что у них не было доступа к необходимой для этого более подробной информации. Даже построение обычных таблиц смертности было налажено не сразу. Первые полные таблицы для СССР и союзных республик после войны были построены только по материалам переписи 1959 г., а регулярное ежегодное составление полных таблиц смертности налажилось только с начала 70-х годов. И лишь в середине 70-х годов были построены первые таблицы смертности по причинам смерти для СССР и союзных республик за ряд лет после 1966 г., но даже самый общий их анализ появился не ранее 1990 г.²⁸

К этому времени положение изменилось, исследования смертности резко активизировались, но наверстать упущенное время оказалось непросто. Составление разнообразных таблиц смертности - по регионам, по причинам смерти и т.п. - при современной компьютерной технике дело сравнительно несложное. Однако это далеко не решает всех накопившихся проблем. Так тщательно скрывавшаяся информация о смертности оказалась не очень качественной, и потребовалась ее коррекция, занявшая немало времени. Только недавно в руках исследователей оказались материалы, которые открывают возможности для детального анализа эволюции смертности по причинам смерти в России²⁹ и продолжается работа по их разработке для других бывших республик СССР.

Не лучше обстоит дело и с объяснением неблагоприятных тенденций смертности. По мнению ряда исследователей, они обусловлены неспособностью советского общества перейти к новому этапу эпидемиологического перехода³⁰, в этом можно видеть фундаментальную причину затяжного эпидемиологического кризиса. Но почти не изучены и не поняты конкретные механизмы, тормозящие

²⁸ Андреев Е.М. Продолжительность жизни и причины смерти в СССР.

²⁹ Meslé F., Shkolnikov V., Hertrich V., Vallin J. Tendances récentes de la mortalité par cause en Russie 1965-1994. Paris, 1996.

³⁰ Вишневский А.Г., Школьников В.М., Васин С.А. Эпидемиологический переход и причины смерти в СССР. Экономика и математические методы, 1991, т. 1, вып. 6. См. также: Vishnevsky A.G., Shkolnikov V.M., Vassin S.A. Epidemiological transition in the USSR as mirrored by regional differences. Genus, 1991, v. XLVII, n. 3-4.

переход, их социокультурные или иные детерминанты, нет специалистов, владеющих методологией такого изучения.

Изучение региональных особенностей демографических процессов. Одной из главных черт демографических процессов в СССР во второй половине XX в. были огромные региональные различия, превращавшие СССР в своеобразную модель мира со своим собственным "третьим миром", "севером" и "югом" и т. п. Отсюда и повышенный интерес к анализу региональной дифференциации демографических процессов.

Особенно заметной была дифференциация рождаемости, процессов формирования семьи и ее демографических типов, здесь нередко наблюдались двух- трехкратные и даже большие различия показателей. Например, в конце 70-х годов коэффициент суммарной рождаемости составлял в Латвии 1,88, в Таджикистане - 5,76, средний размер семьи соответственно 3,1 и 5,7 человек, доля семей, имеющих 3 и более детей до 8 лет, - 4,4% и 49,6%, число разводов на 1000 супружеских пар - 22,1 и 8,6 и т.п. Изучение этих и подобных им различий, факторов, детерминирующих тот или иной тип демографического поведения, стало одним из главных направлений исследовательской деятельности.

С самого начала было ясно, что главным фактором, предопределявшим региональное своеобразие, был этнический. Поэтому уже при анализе результатов первых крупных общесоюзных опросов были выделены основные этнодемографические группы, резко различавшиеся характеристиками демографического поведения³¹, усилился интерес к его этнокультурной детерминации. Но в то же время углубление исследований и новые факты указывали на то, что ссылка на "этнический фактор" сама по себе ничего не объясняет.

В конце концов региональные или этнические особенности демографических процессов стали все чаще толковаться как *исторические* - в духе теории демографического перехода, а типологические группы укрупнились. Например, если при анализе результатов крупных обследований рождаемости в 60-е - 70-е годы выделялись четыре этнодемографические группы, то в 80-е годы речь шла уже только о двух группах - допереходной и постпереходной³², иногда говорили о трех группах, или типах - допереходном, переходном и постпереходном³³. Впрочем, полного единодушия в истолковании региональных или этно-региональных особенностей не было, часть демографов продолжала рассматривать высокую рождаемость (в частности, в Средней Азии) не как преходящую историческую черту, а как не подлежащую изменению этническую или религиозную традицию.

³¹ См., напр.: Вопросы демографии. М., 1970; Бондарская Г.А. Рождаемость в СССР. М., 1977; Сколько детей будет в советской семье. М., 1977.

³² Белова В.А., Бондарская Г.А., Дарский Л.Е. Современные проблемы и перспективы рождаемости. - В кн.: "Методология демографического прогноза". М., 1988, с. 65.

³³ Аничкин А.Б., Вишневский А.Г. Три типа рождаемости в СССР: этапы демографического перехода. "Экономика и математические методы", 1991, т. 27, вып. 4.

Общая оценка демографической ситуации. Анализ отдельных демографических процессов в СССР подготовил появление синтезирующих работ, которые содержали обобщенный взгляд на воспроизводство населения в целом. Динамика показателей для СССР была типичной для стран, переживавших демографический переход. С 1926 по 1970 г. коэффициент естественного прироста упал с 23,7 до 9,2 промилле, нетто-коэффициент воспроизводства - с 1,680 до 1,126, нетто-потенциал демографического роста - с 1,44 до 1,17, доля лиц в возрасте 60 лет и старше выросла с 6,7 до 11,8%³⁴ ..

Однако население СССР было демографически неоднородным. В основном перемены происходили в России и большинстве европейских республик СССР, где нетто-коэффициент воспроизводства все чаще опускался ниже 1 - в Латвии и Эстонии с конца 50-х годов, на Украине и в России - с 60-х, в Белоруссии - со второй половины 70-х. Демографические прогнозы, составлявшиеся на рубеже 70-х - 80-х годов, предсказывали появление в этих республиках в конце века или в начале следующего отрицательного естественного прироста. Для них на первый план выходили проблемы, связанные с угрозой депопуляции и нарастающим старением населения. В то же время другие республики, прежде всего среднеазиатские, переживали демографически взрыв, в них нетто-коэффициент воспроизводства часто превышал 2, иногда даже 2,5, население росло небывалыми в их истории темпами, сохраняя при этом "молодую" возрастную структуру. Здесь приходилось задумываться прежде всего о том, как замедлить рост населения.

В 80-е годы наличие в разных частях страны двух противоположных демографических ситуаций было уже хорошо осознано демографами и все более внимательно и углубленно изучалось ими. В то же время они не ограничивались чисто академическими исследованиями, оказывались вовлеченными в общественные дебаты, связанные с общей оценкой демографической ситуации. В СССР, как и везде, это приводило к поляризации взглядов внутри самой демографической науки.

Применительно к "европейской" ситуации низкой рождаемости эта поляризация проявлялась прежде всего в отношении к пронаталистской демографической политике. Хотя падение рождаемости ниже уровня замещения поколений не приветствовалось никем из демографов, часть из них избегала излишней драматизации ситуации. Они считали, что речь идет о закономерном эволюционном процессе, в ходе которого не только разрушаются прежние стимулы к деторождению, но и создаются новые, которые, в конечном счете, способны приостановить падение рождаемости. Но эти стимулы нельзя создать искусственно, представления о возможности управлять рождаемостью с помощью политики - иллюзия, опровергнутая опытом многих стран. Поэтому следует направлять усилия не на противодействие семьям в реализации их демографических намерений, а на то, чтобы максимально содействовать реализации этих намерений³⁵. Такая позиция вызывала

³⁴ См., напр.: Воспроизводство населения СССР. М., 1983.

³⁵ Волков А.Г. О необходимости воздействия на рождаемость. - В кн.: Рождаемость. М., 1976, с. 59.

критику со стороны пронаталистски настроенных демографов. Они упрекали ее в пассивности и настаивали на выработке активной политики, направленной на усиление "потребности в 3-4 детях"³⁶.

Не было единодушия и в отношении "азиатской" ситуации высокой рождаемости. Одни демографы приветствовали демографическую модернизацию и полагали, что "ломка старой традиции многодетности и нерегулируемой рождаемости... является важнейшей задачей оптимизации демографического развития"³⁷. Другие же отстаивали традиционалистские ценности в их современном, как им казалось, оформлении и утверждали, что условия социализма "создают для среднеазиатских народов широкие возможности для проявления национальных традиций, в том числе и традиции многодетности"³⁸, а "общая направленность политики в области рождаемости... во всех социалистических странах состоит во всемерном ее поощрении"³⁹.

До середины 80-х годов споры велись преимущественно в научной среде, в последние десять лет демографические сюжеты стали едва ли не обязательным элементом общеполитических дискуссий. При этом многое изменилось и в самой ситуации - и демографической, и политической. В частности, Россия лучше, чем когда-либо, ощутила последствия длительного снижения рождаемости, начиная с 1992 г. естественный прирост ее населения стал отрицательным, в общественном мнении стало складываться представление о том, что страна переживает необыкновенную демографическую катастрофу. В этой обстановке профессиональные демографы подчеркивают, что, несмотря на некоторые новые моменты, нынешняя демографическая ситуация предопределена тенденциями прошлых десятилетий. Вероятно, можно согласиться с тем, что Россия переживает демографический кризис, особенно если говорить о смертности, но это - не новое явление, современный демографический кризис начался в СССР в середине 60-х годов.

Историческая демография. Изучение демографической истории России и СССР, равно как и зарубежных стран, было идеологически несколько более нейтральным, чем исследование текущих проблем, видимо, поэтому оно не совсем прервалось в 30-е - 40-е годы. Не случайно уже упоминавшиеся наиболее значительные книги первого послевоенного периода⁴⁰ имеют историко-демографическое содержание. Но все же и в этой области рубеж 50-х и 60-х годов принес значительное оживление. Характерные примеры исследований этого периода - монография В.М. Кабузана, основанная на анализе ревизий XVIII - первой половины XIX в.⁴¹, а также многие другие его публикации или обобщающая монография Я.Е. Водарского о

³⁶ Антонов А.И. Социология рождаемости. М., 1980, с. 265-269.

³⁷ Мулладжанов И.Р. Демографическое развитие Узбекской ССР. Ташкент, 1983, с. 266, 274.

³⁸ Атамирзаев О. Многодетная женщина. Социально-демографический анализ. - В кн.: Женщины на работе и дома. М., 1978, с. 41.

³⁹ "Коммунист Узбекистана", 1978, 1, с. 43-44.

⁴⁰ См. сноску 3.

⁴¹ Кабузан В.М. Народонаселение России в XVIII - первой половине XIX в. М., 1963.

динамике населения России⁴². Но одновременно уже в 60-е годы в самых разных изданиях по всей стране появляется множество более частных публикаций, посвященных демографической истории разных районов СССР. Часто их лишь условно можно назвать историко-демографическими, они не идут дальше анализа, не всегда критического, данных о численности, размещении или социальной структуре населения, но с конца 70-х гг. появляются публикации, посвященные уже истории демографических процессов как таковых⁴³. Часто они еще вполне традиционны, ибо довольствуются ограниченной статистической информацией, оставшейся от прошлого. Но иногда применяются и новые методы получения информации, например, метод восстановления истории семей, разработанный Л. Анри (в работах эстонского демографа Х. Палли).

На новый этап историческая демография вышла во второй половине 80-х годов, когда начали рушиться информационные и идеологические барьеры на пути изучения новейшей демографической истории СССР. В центре внимания оказались демографические потери, обусловленные войнами и социальными катастрофами XX в., их изучение потребовало анализа сохранившихся архивных материалов, реконструкции многих демографических показателей, отсутствующих или фальсифицированных, и т.д. За рубежом такая работа велась и прежде. В частности, с конца 70-х годов стали появляться публикации живущего в США эмигранта из СССР Максудова (псевдоним А. Бабенышева), позднее многие из них были воспроизведены в книге на русском языке⁴⁴. Но теперь в России и других республиках бывшего СССР она приобрела систематический характер. Стали доступными и частично были опубликованы материалы из архивов Госкомстата, КГБ, Генерального штаба, в частности, сохранившиеся результаты дискредитированной переписи населения 1937 г.⁴⁵; не публиковавшиеся ранее результаты переписи 1939 г.⁴⁶, подробные данные о потерях во всех войнах советского периода⁴⁷ и т.п. Это позволило прояснить многие темные места демографической истории СССР после 1917 г., реконструировать непрерывные ряды демографических показателей за весь период, оценить величину людских потерь вследствие войн, революции, голода, политических репрессий⁴⁸. Но пока изучена далеко не вся имеющаяся информация и использованы далеко не все

⁴² Водарский Я.Е. Население России за 400 лет (XVI - начало XX в.). М., 1973.

⁴³ Напр.: Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977. Под Россией в данном случае понимается дореволюционная Россия в границах империи.

⁴⁴ Максудов. Потери населения СССР. Benson, Vermont, 1989.

⁴⁵ Из архивов Госкомстата СССР. Итоги Всесоюзной переписи населения 1937 г. "Вестник статистики", 1990, 7-8; Поляков Ю.А., Жиромская В.Б., Киселев И.Н. Полвека молчания: Всесоюзная перепись населения 1937 г. "Социологические исследования", 1990, 6-8; Всесоюзная перепись населения 1937 г.: Краткие итоги. М., 1991; Poliakov Ju. A., Zhiromskaia V.B., Kiselev I.N. Half-Century of Silence: The 1937 Census. N.Y., 1992; Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом "секретно". Всесоюзная перепись населения 1937 г. М., Наука, 1996.

⁴⁶ Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. М., 1992.

⁴⁷ Гриф секретности снят. Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. М., 1993.

⁴⁸ Укажем лишь наиболее известное исследование последних лет: Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Население Советского Союза. 1922-1991. М., 1993.